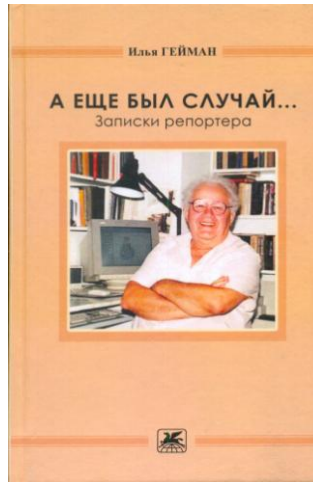

Биробиджанская эпопея Ильи Геймана

15.05.2019 *Биробиджанер Штерн*

Ирина Манойленко

Трудовая биография живущего ныне в США известного журналиста, чью фамилию вы прочли в заголовке, начиналась в Биробиджане – в годы войны, когда ему было всего тринадцать лет, он поступил на работу в областную типографию

Узнали мы об этом из книги, которую Илья Гейман прислал на адрес нашего издательского дома. Называется она «А еще был случай». Жанр книги автор определил как записки репортера, она, как сказали бы в прежние годы, – о времени и о себе. А уж если быть точным – о себе во времени.

Выпущена эта автобиографическая книга в Москве, в одном из старейших столичных издательств – «Художественная литература». В присланный нам экземпляр была вложена записка такого содержания:

«Уважаемые коллеги!

Много лет назад, во время Великой Отечественной войны, я работал в вашей редакции линотипистом. За прошедшее с тех пор время я расстался с полиграфией, стал журналистом. Только что вышла из печати моя книга, в которой я, в том числе, рассказываю и о вашей типографии во время войны. Посылаю ее вам. Думаю, современному поколению типографских работников будет любопытно заглянуть в историю своего предприятия.

С уважением, Илья Гейман».

И мы в эту историю заглянули. У всех, кто прочел эту книгу и ее дальневосточную часть, мнение единодушное – это действительно любопытно и интересно. И не только современному, но и более старшему поколению, к какому относит себя автор этих строк.

Но вначале – об авторе книги. Его биография тоже довольно любопытна, как и вся книга, к тому же во многом необычна. Илью Геймана можно смело назвать гражданином мира.

Родился он в городе мечты Остапа Бендера – Рио-де-Жанейро. И имя, и фамилия, и отчество у него были совершенно другие. Революционно настроенные родители назвали его Ильичом – разумеется, в честь вождя мирового пролетариата. Родного отца новорожденного звали Маркусом, значит, сын стал по отчеству Маркусовичем. Ну и фамилию ему дали тоже отцовскую – Пятигорский.

Из главы «Преамбула»:

«Этому (появлению автора книги на свет – И.М.) предшествовало одно событие. Во время массовых выступлений маму забрали в полицию и удерживали там, не выпускали на свободу. В ответ возникли новые волнения – люди возмущались тем, что беременную женщину держат в тюремной камере. Полиция пошла на попятный, мама вышла на свободу, а я в шутку рассказываю, что сидел с ней в буржуйской тюрьме, в ее чреве».

А вот родному отцу Ильи Геймана, который был одним из руководителей компартии Бразилии, пришлось испытать все тяготы тюремной жизни. В конце концов власти решили, что избавиться от бунтовщиков-революционеров лучше всего одним способом – выдворить их из страны куда подальше. И суд вынес именно такой приговор – депортация.

Из главы «Преамбула»:

«Мы сели на первый же пароход, уходивший в Европу, и с этого момента для нас началось время скитаний. Закончилось оно в Советском Союзе. К сожалению, неблагоприятно закончилось: Маркус был уже смертельно болен после истязаний в бразильской тюрьме. Здесь нам предложили жить в городе Твери – близком от Москвы и в спокойном для больного человека месте. Однако, к несчастью, отец прожил недолго. Мама осталась одна с ребенком на руках, в незнакомой стране, без языка».

А дальше в биографии автора появился город Харьков. Напомним, что именно из Харькова в Еврейскую автономию приехало в годы большого еврейского переселения много творческих людей – журналистов и писателей. В их числе были Генах Казакевич, ставший редактором газеты «Биробиджанер штерн», и его сын, будущий известный писатель Эммануил Казакевич. В Харькове жили после приезда из Бразилии Бецалель Бородин, которого в нашей области знали как писателя Сальвадора Боржеса, и его брат Семен Бородин. Это были родные братья матери Ильи Геймана.

Из главы «Преамбула»:

«Дядя Семен уже работал на заводе. К нему присоединилась и мама. Она попала в хорошую бригаду – ее фотографии печатались в газете. Кстати, в той газете работал мой будущий отчим Борис Григорьевич Гейман. У этой истории счастливый конец – они поженились».

Но счастье это было не очень долгим – в 1937 году Борису Гейману предложили поехать в Биробиджан, где нужны были квалифицированные кадры и журналистов, и полиграфистов.

Стоит напомнить, что именно в те годы в городе строилось новое здание для редакций двух областных газет и типографии – то самое, где они размещаются и поныне, объединенные в единый издательский дом «Биробиджан». И хотя осенью 1938 года журналисты и полиграфисты перешли в новое помещение, оно почти полгода доводилось, что называется, до ума.

А Борис Гейман в это время находился под следствием в Хабаровске.

Из Книги памяти жертв политических репрессий на территории Еврейской автономной области:

«Гейман (Гейтман) Борис Гутельберович, 1913 года рождения, уроженец города Ливенгофа, Латвия, еврей. Сотрудник редакции газеты «Биробиджанер итерн». Арестован 04.12.1937 г. УНКВД по ЕАО по статье 58-1а УК РСФСР. 02.08.1939 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения, реабилитирован. Архивное дело П-02324».

А ведь поначалу отчиму Ильи Геймана грозил десятилетний срок лагерей. Тогда многих уроженцев Литвы, Польши, Латвии и других «буржуазных» стран обвиняли в шпионаже против СССР, а критику условий жизни в стране приравнивали к антисоветской агитации и пропаганде. В эту «струю» попал и Борис Гейман. Выйдя на свободу после двух с половиной лет отсидки, он остался в Биробиджане, отправив семье в Харьков законспирированную телеграмму: «Вышел из больницы. Готовьтесь в дорогу». Не сразу родные поняли, что словом больница глава семьи заменил слово тюрьма.

Из главы «Преамбула»:

«Мы приехали в Биробиджан в 1939 году. Нас ждала комната, которую отчим получил перед арестом. Нам показали документ: «Мы, домоуправ такой-то, в присутствии свидетелей таких-то изъяли в квартире врага народа такого-то стол, примус, один стул, топчан».... Но все эти драматические события оказались ничем перед начавшейся войной. Я оставил школу в шестом классе и поступил учеником машинного наборщика, линотиписта в местную типографию. Мама тоже пошла работать в типографию на ужасно тяжелую работу: она вручную резала рулоны бумаги, готовила ее для печатной машины».

Из монографии Ольги Журавлевой «История книжного дела в ЕАО»:

«В 1940 году в областной типографии насчитывалось 159 рабочих и служащих. В ней печатались, кроме «Биробиджанской звезды» и «Биробиджанер итерн», журнал «Форпост», художественная литература местных писателей, учебники для еврейских школ и другая продукция. Для выпуска еврейской газеты типография содержала специальный цех из 18 человек. Когда началась война, многие полиграфисты были отправлены на фронт. Их место заняли ученики, недавние школьники»....

Из главы «Уходили мальчики на голодный фронт»:

«Я учился в шестом классе. С каждым днем нас становилось все меньше. Мои одноклассники оставляли школу, шли работать....

Однажды я пришел домой после уроков и сказал родителям: «Иду работать, как все наши ребята».

– Куда тебе? – всполошились они. – Ты же еще ребенок?

Я настаивал на своем. В конце концов отчим не выдержал:

– Хорошо, пойдешь работать в типографию – наборщиком на машине.

Его, как крупного специалиста, назначили в то время руководить и газетным издательством, и областной типографией. А на войну не взяли – наложили, как тогда говорили, бронь. Я пошел учеником туда, куда велел отчим. Мне дали персональную машину, благо в цехе остался всего один наборщик – он тоже получил бронь.

Замечу, мне как-то неловко произносить «наборщик на машине». Этот агрегат называется линотип, а тот, кто на нем работает, – линотипистом. Машина очень сложная, в ней бесчисленное количество деталей... Рабочий набирает текст так же, как его сегодня набирают на компьютере... Механизм не только выдает буквы, но и в конце процесса сам раскладывает каждую на свое место.

Когда корректор принесла мне оттиск моего первого в жизни набора, я обомлел – на гранке не было чистого места, всю ее испещрили корректорские знаки. Успокоившись, стал смотреть свои ошибки. Смотреть и запоминать написание слов.

И не зря. Пока я учился, гранки становились все чище. Юные мозги хорошо запоминали каждый урок».

Профессия линотиписта, которую осваивал тринадцатилетний Илья Гейман, была одна из самых ведущих в полиграфии, сейчас бы сказали – одна из самых престижных. Вспоминая линотипный цех биробиджанской областной типографии начала восьмидесятых, до сих пор не перестаю удивляться, как удавалось наборщикам машинного набора при постоянном шуме, напоминающем треск автоматных очередей, сосредоточиться на тексте и не наделать ошибок. Но слух у многих линотипистов после двух десятков лет работы начинал слабеть. А постоянное общение со свинцом влияло и на общее здоровье, поэтому на пенсию линотиписты уходили на пять лет раньше – как работники вредного производства. В середине девяностых областные газеты полностью перешли на компьютерный набор и верстку, а линотипы были сданы на металлолом. Жаль, что хотя бы один из них не смогли сохранить как музейный экспонат. Не осуществилась, к сожалению, и мечта старейшего журналиста Ефима Кудиша – создать при областной типографии музей полиграфии.

Но вернемся к воспоминаниям Ильи Геймана.

Из главы «Уходили мальчики на голодный фронт»:

«Машина, которая была закреплена за мной, отличалась от остальных, выпущенных в Ленинграде. Мой линотип был иностранцем. Его прислала в подарок биробиджанской типографии из Нью-Йорка популярная еврейская газета «Форвертс».

... В Биробиджане в типографии почти не было взрослых. Куда ни помотришь, всюду детвора. И в наборном цехе, и в печатном... работали трудно: не только знаний и сноровки не хватало, но и еды. Голод преследовал постоянно – что наяву, что во сне. Небольшой кусок хлеба по карточке да жидкий суп из столовой – вот и весь провиант».

Дальше автор рассказывает, как руководство типографии спасало от голода свой коллектив – в горисполкоме выпросили участок земли и общими усилиями посадили там картошку. Так в столовой, кроме жидкого супа, появилось и второе блюдо.

Из главы «Уходили мальчики на голодный фронт»:

«Все хлопоты с питанием всюду, и в нашей типографии тоже, сводились к тому, чтобы у людей были силы работать, чтобы газета выходила без срывов – ведь ее ждали люди.

Наружная стена нашего цеха состояла сплошь из больших – от пола до потолка – окон. Они были у меня за спиной, когда я сидел за линотипом. В полуметре от пола окна заканчивались широкими цементными подоконниками. Я наваливал старые газеты и спал на них сном праведника, пока меня не разбудят.

Однажды под утро я повернулся к окну и увидел за ним людей. Они стояли и чего-то ждали. Я открыл окно:

– Что случилось?

– Ничего не случилось. Ждем новостей.

– Откуда?

– Он еще спрашивает. Из газеты, конечно.

Новости к нам, на Дальний Восток, шли мучительно долго. Где-то в Москве, наверное, в здании ТАСС, сидел перед микрофоном человек и медленно, чуть ли не по складам, читал сообщение от Советского Информбюро. У нас в редакции полусонная машинистка карандашом записывала перед репродуктором диктовку. Затем перепечатывала набело и несла на линотип, в набор.

Прежде чем начать набирать, я подходил к окну и читал людям текст. Они узнавали новости первыми в нашей области. Узнавали даже раньше газеты. Узнавали и успокаивались либо расстраивались. Это зависело от положения на фронте».

Кстати, диктовали по слогам тексты официальных сообщений для местных газет вплоть до конца семидесятых годов, пока не появились телетайпы. Вот только запись под карандаш, насколько помню, отсутствовала – машинистка бойко строчила диктуемое прямо на пишущей машинке.

Из главы «Уходили мальчики на голодный фронт»:

«Каждый номер газеты давался нам с большим трудом. Строчки, которые мы набирали на линотипах, сходились на специальном столе – там метранпаж собирал, верстал из них газетные страницы. Расставлял по своим местам свинцовые статьи, вручную подбирал к ним заголовки, добавлял клише, будущую иллюстрацию. После этого большая газетная полоса готова. Вернее, почти готова. Ее еще надо отнести в печатный цех.

Тащить страницу было невыносимо – казалось, кишки из живота вывалятся. Каждый думал: а донесем ли до конца?

И худшее однажды сбылось. Кто-то из мальчишек споткнулся о выбоину в цементе, потянул за собой других и..... На полу лежала куча смешавшихся свинцовых строчек и рассыпанных заголовков.

Метранпаж Майзель был у нас классный – его специально из Москвы выписали. Но очень уж нервный, вспыльчивый. Увидел он рассыпанную полосу, съезжился и вдруг давай биться головой о стену. Он больше всех вложил сил в эту страницу, не спал

сутками ожидая сначала расшифрованного сообщения ТАСС, а потом и готового набора для верстки.

Мы стояли растерянные, беспомощные. Понимали: газета может не выйти. Первый раз за войну. И это усилит страх людей, оставшихся без новостей с фронта.

Вдруг кто-то из ребят нерешительно сказал: «А если собрать строчки и разложить их по статьям?...».

А может, и правда попробовать?

Сложили рассыпанные строчки столбиком, в гранки. Сделали оттиски. Затем взяли у корректоров оттиски бывшей полосы. И начали искать место каждой строчке. Пока мы занимались сизифовым трудом, отошедший от нервного приступа Майзель набрал заголовки статей, приготовился к верстке.

А тут и у нас получилось. Собралась первая статья, за ней и остальные. Газета вышла. Может быть, и не совсем в срок, но в тот же самый день. Люди не остались без последней информации».

Рассыпанный набор случился и в моей практике. Я тогда работала в районной газете в Приморье, дежурила по праздничному первомайскому номеру. Все было готово, все четыре полосы, сверстанные в металле, мирно покоились возле печатной машины. Как печатник задел их, не помню, помню только результат – две полосы лежали на полу кучей металла. И полиграфисты, и журналисты срочно были мобилизованы на сбор строк. Часа четыре ушло на собрание полос, газету отпечатали поздно ночью.

А в биробиджанской типографии вскоре после войны появилась специальная металлическая тележка, на которую перекладывали сверстанную полосу и везли в печатный цех. Но перекладывать приходилось женщинам-метранпажам, и это тоже было нелегко.

Труд полиграфиста вообще был тяжелым. Ночные смены были постоянным явлением вплоть до девяностых годов, когда приходилось долгими часами ждать сообщений из Москвы, чтобы утром их прочли читатели. А когда шли съезды и пленумы партии, работать приходилось до утра. Развозило работников типографии дежурное такси, которое оплачивалось за счет предприятия.

Из главы «Уходили мальчики на голодный фронт»:

«Если случалась пауза в работе, каждый норовил где-нибудь приспособиться поспать, хотя цех наш никак не мог сойти за уютную спальню. Он был закопчен, в воздухе стоял неистребимый запах гари. И вот почему. Линотип сконструирован так, что в котле с металлом, из которого отливаются строчки, есть специальная грелка. Но беда – во время войны грелки на машинах пришли в негодность, а новые получить было неоткуда. Умельцы додумались использовать вместо электрической грелки... обыкновенный примус. Как бы там ни было, до конца войны линотипам тепла хватало. А нам с лихвой хватало угара. Коптили примусы изрядно, за несколько лет потолок цеха стал черным.

Много позже, когда война уже подходила к концу, мы узнали, что под нашим городом возник лагерь для немецких военнопленных. Удивились: ведь это за десять тысяч километров от заканчивающейся войны. Решили съездить туда на разведку – авось помогут нам с грелками для линотипов? Лагерь оказался просторным, аккуратным и хорошо ухоженным. Своими делами там занимались немцы – все еще наши заклятые враги.

Знатоков-электриков для нас нашли. Мы рассказали о своей проблеме, как могли, начертили котел линотипа с параметрами. Они о чем-то между собой поговорили и спросили, сможем ли мы взять их с собою в типографию?

Начальство лагеря пошло нам навстречу. Не буду рассказывать, какими глазами смотрели немцы на наши закопченные стены и потолок, на изгвазданных типографской краской мальчишек-рабочих, шнырявших под ногами.

Немцы оказались настоящими специалистами. Через несколько дней администрация лагеря передала нам новые грелки. Мы поставили их в котлы линотипов и торжественно потушили примусы. Война закончилась».

Но для автора книги не закончилась работа в типографии Биробиджана. А в августе началась война с Японией.

Из главы «Уходили мальчики ...»:

«Войну с Японией мы как-то и не считали за войну. В нашем городе разместился штаб армии, которая где-то там перешла через реку Амур и гнала японцев из Маньчжурии. Мы с любопытством наблюдали, как воинские эшелоны шли с европейского фронта на восток по Транссибирской железной дороге. Из Маньчжурии к нам стали приходить грузовики с китайскими продуктами. За копеечную цену можно было купить пару мешков чумизы, фасоли или сои. Голод отошел на второй план.

Да и работать стало веселее. Цех освободился от копоти, примусы убрали на склад. В газете стало больше собственных материалов, и мы уже были меньше привязаны к передачам ТАСС.

Замечательным финалом моих военных приключений стал день, когда нас наградили медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Потом, через годы и десятилетия, я получал разные награды, но эта медаль была главной – ее я по-настоящему выстрадал потом и кровью.

Я надел свою награду и целый день ходил по городу очень гордый с выпяченной грудью и все норовил попасть в самые людные места: пусть все знают, что и я воевал. На особом фронте, но воевал. Ну а что с мальчишки возьмешь – он ведь честно заслужил право гордиться собой».

Так заканчивается эта глава книги. Некоторое время семья Ильи Геймана жила в Биробиджане после войны, а сам он продолжал работать в типографии. Когда пришло время получать паспорт, он отдал свою метрику в паспортный отдел, но долгое время никто не смог перевести ее с португальского языка, а потом метрику и вовсе потеряли. Ильичу Пятигорскому посоветовали взять фамилию и отчество отчима Бориса Геймана. А отчиму посоветовали усыновить пасынка. Сменили автору книги и имя в новом паспорте. Так Ильич Маркусович Пятигорский стал Ильей Борисовичем Гейманом, и произошло это событие в Биробиджане.

После этого Илья Гейман работал в краевой типографии Хабаровска – набирал на линотипе краевую газету «Тихоокеанская звезда». Потом – возвращение в Биробиджан, где оставалась семья. Но вскоре город пришлось покинуть – Борисом Гейманом вновь заинтересовались в органах – в этот раз из-за технической ошибки в газете, которую он, как дежурный по номеру, не заметил. А она исказила смысл текста. В комитете по печати крайкома партии его направили на север – в город Советская Гавань. А по сути, спасли от ареста.

Об этом периоде жизни автор книги рассказывает так же подробно, как о биробиджанском. Чувствуется, что дальневосточный период жизни остался глубоко не только в его памяти, но и в сердце.

К сожалению, не удалось найти в Биробиджане ни одного бывшего полиграфиста из тех мальчишек военного времени, кто работал в областной типографии. Может быть, прочтя эту публикацию, кто-то да откликнется – ведь нашу газету читают не только в ЕАО, но и за ее пределами.

А за книгу – умную, светлую и добрую – автору огромное спасибо от издательского дома «Биробиджан».